

СЕКЦИЯ II. СПЕЛЕСТОЛОГИЯ

SPELESTOLOGY (ARTIFICIAL CAVES)

Н.А. Бахтадзе

Национальный музей Грузии, Тбилиси, Грузия

ДОХРИСТИАНСКАЯ СКАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ГРУЗИИ

N.A. Bakhtadze

PRE-CHRISTIAN ROCK-CUT ARCHITECTURE OF GEORGIA

The ancient, starting in eneolithic age, tradition of underground living in Georgia and its development are described. Analogy with Western Asia caves is demonstrated. The archeological results from Nachiduri, Shiomgwime, Grakali, Kaspi, Tkhoti are described.

До наших последних исследований единственным существующим в Грузии скальным памятником дохристианского периода считался блестящий, хорошо известный за пределами страны архитектурный ансамбль Уплисхихе [Амиранашвили, 1963: 81–85; Кипиани, 2002; Саникидзе, 1987]. Может быть, именно поэтому у некоторых ученых создалось впечатление, будто Уплисхихе как памятник, не вписывающийся в общую картину развития древнейшего грузинского зодчества, неожиданно возникший без учета местных традиций, был создан переселившимися с юга в I тыс. до н.э. группами населения с устоявшимися обычаями высекания пещерных помещений [Гаприндашвили, 1969: 7; Гаприндашвили, 1957; Леман-Хаупт, 1938: 252; Хакхутишвили, 1964: 10–15]. Синхронные и отчасти архитектурно похожие на Уплисхихе, высеченные в скалах культовые комплексы и целые города действительно встречаются в некоторых регионах Ближнего Востока [Питотровский, 1959: 226; Forest, 1983: 98; McKenzie, 1990]. Однако вышеуказанная теория “трансплантации” нам с самого начала казалась сомнительной по следующим соображениям.

Шедевры архитектуры, как правило, являются плодом развития того или иного стиля на местной почве. И ансамбль Уплисхихе с его совершенной планировкой и завершенным пространственным осмыслением (рис. 7; 8) ни в коем случае не оставляет впечатления привнесенного из чужой среды первого и последнего “эксперимента”. Кроме того, обычай высекания пещер, распространенный в древнейших грузинских государственных объединениях или протогрузинских племенах, эпизодически прослеживается в грузинских и иностранных нарративских источниках [Джавахишвили, 1946: 5; Каухчишвили, 1957: 136; Латищев, 1893: 234]. Учитывая все вышесказанное, нельзя было исключать, что блестящий архитектурный ансамбль Уплисхихе возник на

традиции скального зодчества, распространенного на территории Грузии в античную или более раннюю эпоху.

Первый конкретный ответ на вопрос о масштабах распространения на территории Грузии скального зодчества в дохристианскую эпоху дали высеченные в скале древнейшие комплексы, обнаруженные нами в начале 1980-х гг. на обширной территории Квемо Картли [Бахтадзе, 1992].

Первые ступени генезиса и развитие в Грузии высеченных в скале памятников

Эти скальные памятники находятся на территории исторической Квемо Картли, в ущельях рек Храми, Машавера, Дебеда, Шавцкала, Алгети и некоторых их притоков. Пещерные комплексы состоят из десятков помещений, высеченных в долеритовых или андезитно-базальтовых лавах (рис. 1; 2). Пещеры, составляющие комплексы, расположены достаточно компактными группами, приуроченными к наклонным или почти горизонтальным ярусам в весьма глубоких каньонах. Большинство пещер высечено на средних и нижних уровнях отвесных скал, при этом к нижним ярусам часто можно подойти совершенно свободно, а в пещеры верхних ярусов – попасть по естественным или искусственно расширенным террасам и тропинкам.

Большинство пещер, составляющих комплексы, видимо, высечены без помощи металлических орудий. Здесь нами засвидетельствован способ обработки скалы, хорошо известный древнейшим цивилизациям мира, в том числе и племенам бронзового века, жившим на территории Грузии. Он заключается в следующем: скалу накаляли мощным огнем, затем, обливая холодной водой, вызывали образование трещин на ней. Потом треснувшую массу выламывали, всадив в трещины деревянные клинья и пропитывая их водой, либо просто “перекачивали” по ним молот [Гобеджишвили, 1952: 185]. В отдельных местах

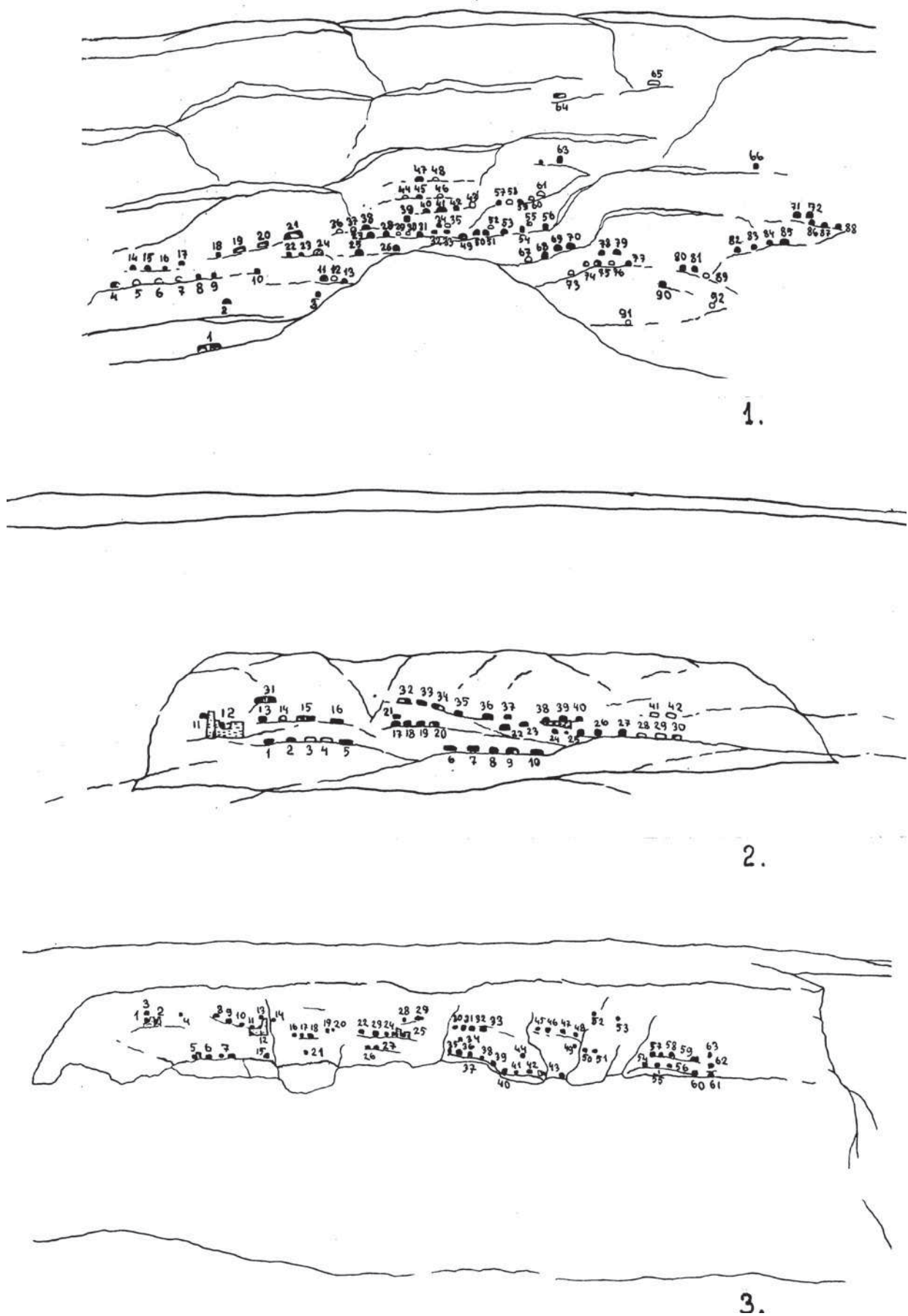

Рис.1 Пещерные комплексы Квемо Картли (Окрестности Нахидури). Общие виды

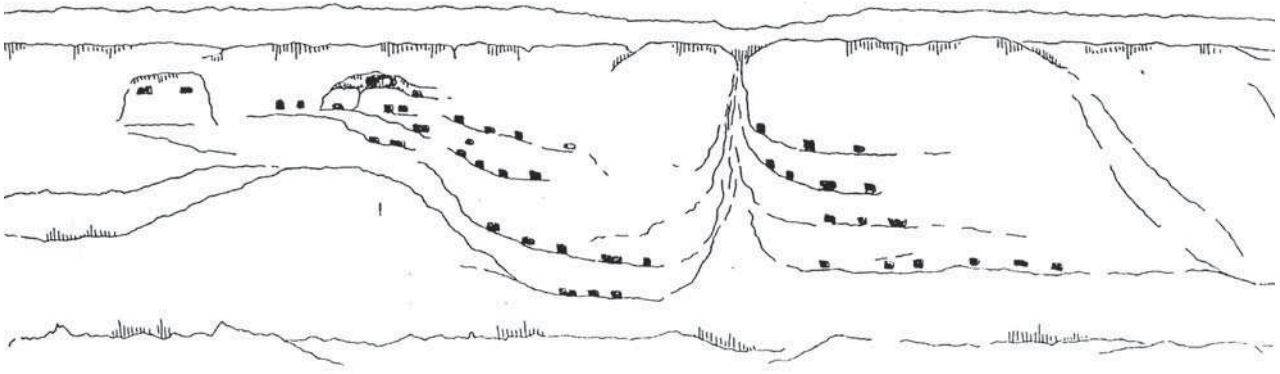

Рис.2 Пещерный комплекс Самшвилде. Общий вид

микроклимат пещер Квемо Картли хорошо сохранил остатки таких клиньев.

Очевидно, что получение указанным методом в базальтовой породе полости заданной формы практически невозможно, поэтому пещеры имеют конфигурации, только приближенные к правильным геометрическим, и то не всегда. В комплексах встречаются пещеры как прямоугольные и овальные, так и любой иной формы в плане (рис.3;4;5). Их размеры также существенно различаются: от 4–5 до 15–20 м². Полы практически плоские, стены и потолки неровные. Линии перехода между ними не намечаются. Высота подавляющего большинства пещер равна высоте выпрямленного во весь рост человека.

Пещеры, составляющие комплексы, как правило, высечены изолированно друг от друга (с интерва-

лом 2–5 м). Однако встречаются и многочисленные группы соседствующих пещер, связанных между собой внутренними переходами или тоннелями. В некоторых комплексах зафиксировано наличие проходных дверей, имеющих похожую на силуэт человека форму. Сравнительно редко встречаются еще более сложно связанные между собой группы пещер, где в прилегающие помещения мы попадаем с поверхности скалы через объемы, похожие на галерею или коридор.

На начальных этапах исследования на основе анализа общей структуры и планово-пространственного решения этих комплексов была исключена высказанная предшествующими исследователями версия об их высекании в средневековье с оборонительной целью, в качестве убежищ для населения. В большинстве этих комплексов мы не нашли также признаков, характерных для христианских монастырей-пустынь. С другой стороны, мы считаем достойным внимания теснейшее соседство одной части этих комплексов с типичными для этого региона мегалитическими сооружениями, сегодня уже довольно надежно датированными. Именно поэтому мы высказали предположение о том, что основным ядром этих пещерных комплексов являлись остатки высеченных в скале поселений бронзовой эпохи [Бахтадзе, 1988: 34].

Археологические раскопки, проведенные нами в 1984–2002 гг. в пещерных комплексах Квемо Картли указанного типа, полностью подтвердили предположение о назначении и древнейшем происхождении этих памятников [Бахтадзе, 1992; Бахтадзе, 2002; Bachtadse, 2005].

После снятия весьма богатых культурных слоев средневековья на ряде памятников этого типа в ущелье р.Храми и ее притоков Нахидури, Тавгургала, Самшвилде, Триалетский Ахалкалаки, Зуртакети, под утрамбованным глинобитным полом некоторых пещер, в естественных трещинах скалистых полов и упраздненных хозяйственных ямах мы нашли разнообразные фрагменты глиняной посуды. Они аналогичны хорошо известным нам фрагментам из археологически изученных памятников эпохи поздней

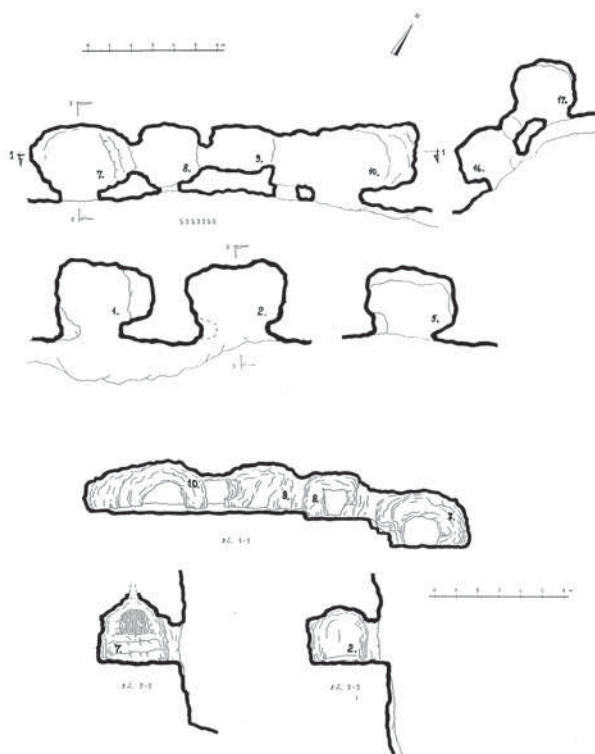

Рис.3 Пещерный комплекс Нахидури I. План и резрезы групп пещер

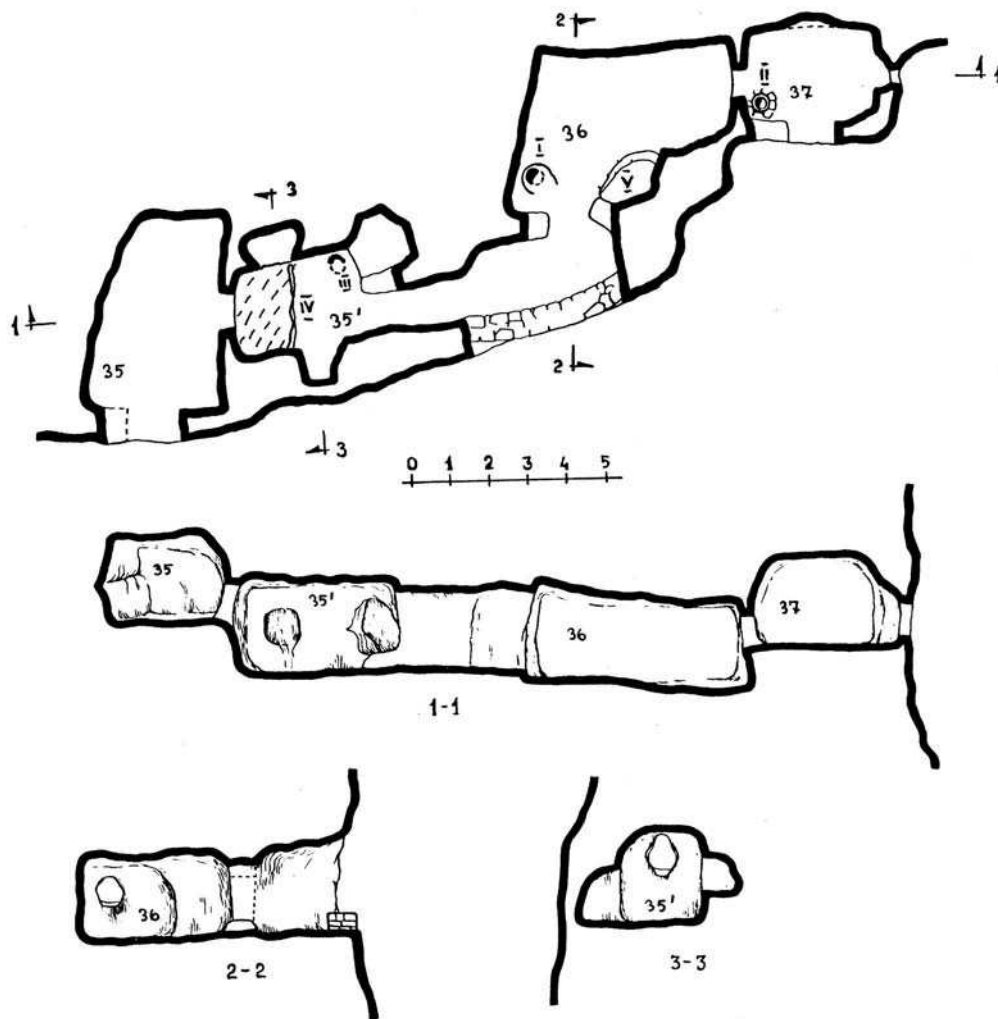

Рис.4 Пещерный комплекс Нахидури I I. План и разрезы групп пещер

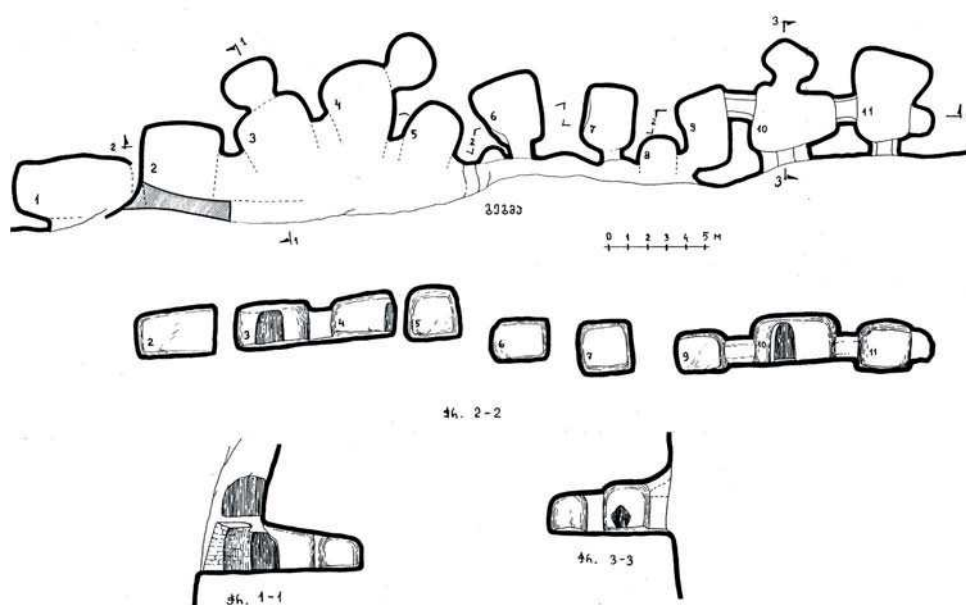

Рис.5 Пещерный комплекс Тавгургала. План и разрезы групп пещер

бронзы – раннего железа (вт.п. II-го – п.п. I-го тыс. до н.э.) на территории Грузии [Каландадзе, 1959: 168–170].

Найденные в комплексах Нахидури в такой же стратиграфической обстановке несколько фрагментов керамических изделий оказались еще более ранними. Таковыми являются, например, фрагменты чернолощенных больших кувшинов ручной лепки с розовой подкладкой, поверхности которых были украшены процарапанным, точечным и стрельчатым орнаментом. Эти изделия имеют прямые аналоги в материале раскопок курганов различных этапов триалетской культуры (п.п. II-го тыс. до н.э.) [Гогадзе, 1972: 72–81; Джапаридзе, 1969: 93–102; Жоржикашвили, Гогадзе, 1974: 62, 78].

Хотя и это не оказалось нижним пределом жизни в указанных пещерных помещениях. В некоторых пещерных комплексах окрестностей Самшвилде, в углублениях скалистого пола был найден вещественный материал более архаичных, ранних ступеней бронзовой эпохи. Таковыми являются, например, фрагменты чернолощенной посуды, в основном больших кувшинов с розоватой подкладкой, некоторые из которых украшены изысканно гравированным или штампообразным орнаментом, меандровыми и шевронными узорами. Этим изделиям можно найти весьма близкие параллели в материалах курганов беденского типа. Они датируются концом раннего бронзового и средним бронзовым периодом (вт.п. III-го тыс. до н.э.) [Гобеджишвили, 1980: 45–56].

Примечательно и следующее обстоятельство: характерные для поздних этапов ранней бронзовой поры несколько фрагментов глиняной посуды оказались в углублениях выровненного щебнем скалистого пола, возникших при высекании пещеры, т.е. в строительном слое помещения.

Кроме этого, в одной из пещер той же группы, в подобной же стратиграфической ситуации, мы нашли фрагменты двух экземпляров посуды, на которых сохранились следы желобчатого орнамента. Поверхность этих изделий черного или бурого лощения, а подкладка розовая или серовато-розовая. Аналоги таких изделий хорошо известны среди вещественных материалов Восточной Грузии, относящихся к куро-араксской культуре раннебронзового периода (п.п. III-го тыс. до н.э.) [Джапаридзе, 1959: 91, 102].

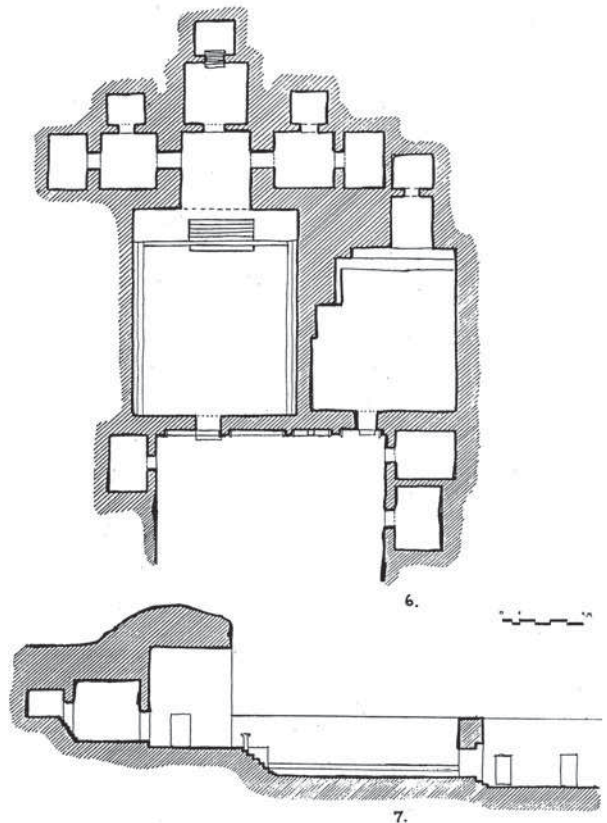
При археологическом исследовании этой группы пещер мы стали свидетелями еще одной находки, которая являлась серьезным основанием для мнения об использовании на определенных этапах бронзовой эпохи части пещер, составляющих эти комплексы, в культово-мемориальных целях. На скалистом полу пещеры, в культурном слое, образовавшемся из насыщенного вещественного материала позднего бронзового периода, обнаружился вставленный глиняный горшок черного обжига (рис.6). Как горшок, так и накрывающей его фрагмент посуды по технологии изготовления и внешнему стилю имеют

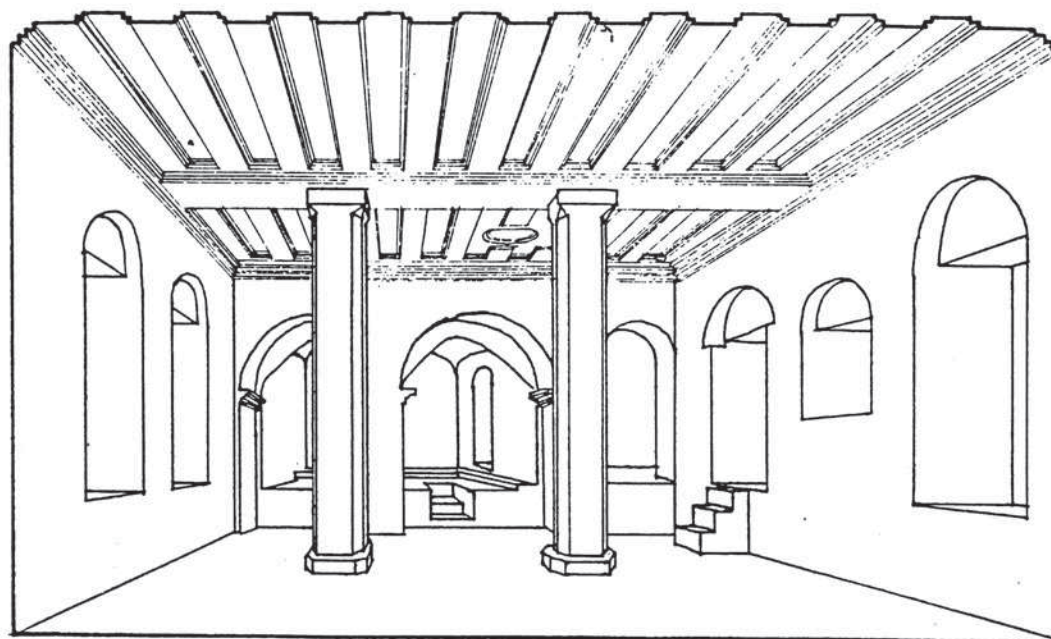
**Рис.6 Пещерный комплекс Самшвилде.
Кремационное погребение**

прямые аналоги с керамическими изделиями раскопанных памятников Квемо Картли вт.п. II тыс. до н.э. Горшок был наполнен закаменевшей сгоревшей массой пепельного цвета. Как подтвердил спектроскопический анализ внутреннего содержания посуды, это был кремационный прах тела умершего человека [Бахтадзе, 2003: 8].

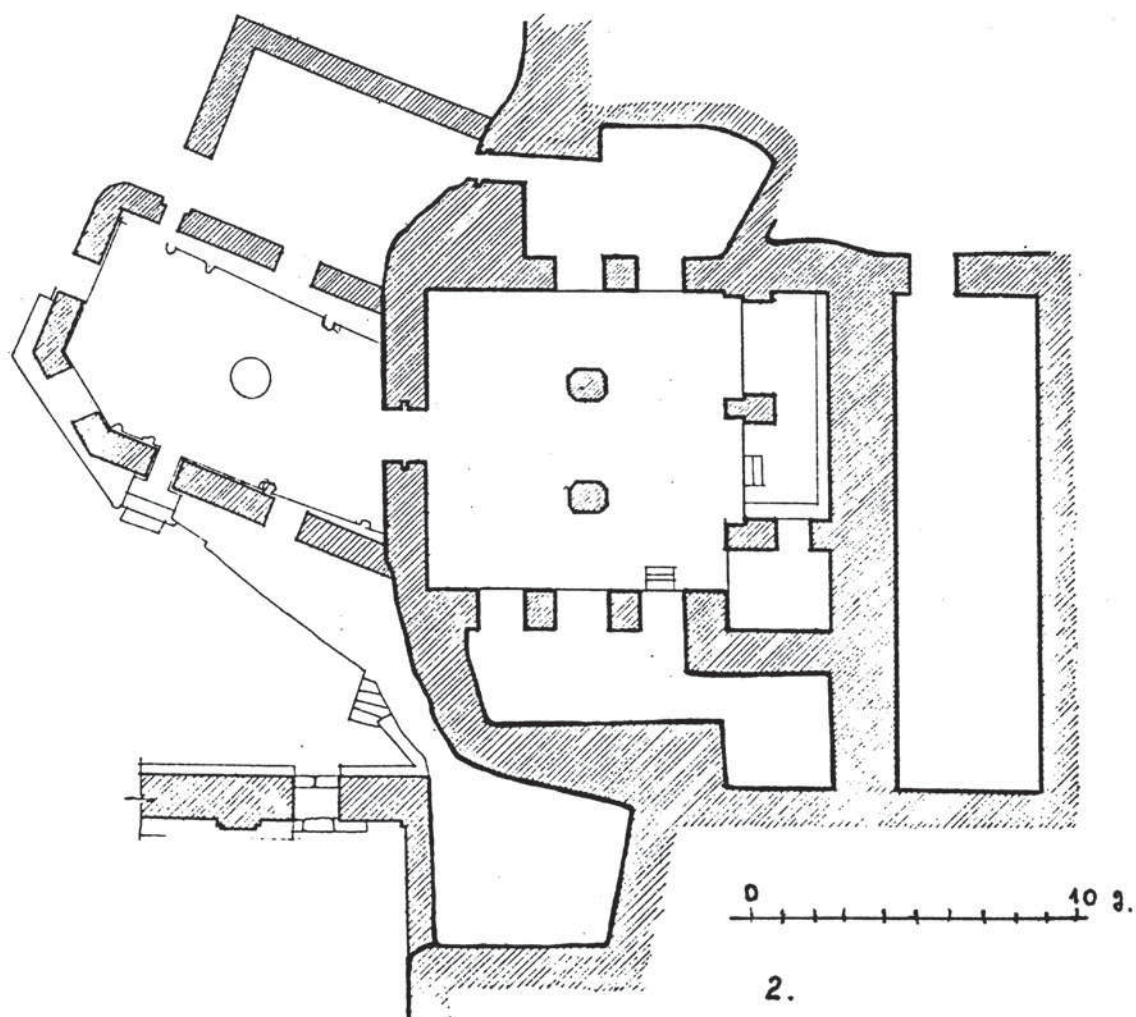
Кремационное захоронение позднего бронзового периода, случайно сохранившееся неповрежденным в пещерных комплексах Квемо Картли, –

**Рис.7 Пещерный город Уплисхихе.
План и разрез групп пещер**

1.

2.

Рис.8 Пещерный город Уплисхихе. План и разрез групп пещер

весьма значительный факт для дифференциации в указанную эпоху памятников этого ряда по функционально-типологическому признаку. Выявилось, что небольшая часть пещерных комплексов описанного типа или составляющих их помещений, подобно аналогичным памятникам близкого зарубежья, использовалась в эту эпоху в качестве гробниц. С другой стороны, такой обычай захоронения кремационного праха в пещерах в глиняных горшках, возможно, указывает на создание или повторное освоение указанных памятников обществами, тесно связанными с хеттским культурным миром (в недрах хеттской цивилизации – как в раннем царстве, так и в период империи – такое погребение покойников, наряду с ингумационными захоронениями, было весьма распространенным явлением) [Akurgal, 1962: 123–127; Bloch-Smith, 1997: 456; Joukowsky, 1996].

Как видим, проведенное нами архитектурно-археологическое исследование достоверно подтвердило тот факт, что население, проживавшее на обширной территории Квемо Картли в позднебронзовый-раннежелезный период, весьма интенсивно использовало созданные в разных целях пещерные комплексы. Хотя мы располагаем достаточными аргументами для того, чтобы предполагать, что выбор жилья такого типа в ту пору уже основывался на многовековой местной традиции, и большая часть этих комплексов возникла на базе пещерных поселений, созданных на ранних стадиях бронзовой эпохи.

На основе анализа имеющихся у нас археологических материалов мы должны допустить и то, что на территории Квемо Картли еще в раннебронзовый период, параллельно куро-араксской «классической» культуре поздней стадии, была распространена локальная разновидность этой культуры. Население, являвшееся ее носителем, обитало в пещерных поселениях, а не в жилищах из сырцового кирпича или оштукатуренных на деревянном каркасе. На такое типологическое разнообразие жилищ указанного населения, возможно, указывает и то обстоятельство, что поселения и могильники этой культуры часто соседствуют друг с другом (например, Самшвилде, Хадики и др.).

Исследования грузинских археологов однозначно указывают на то, что в раннюю бронзовую эпоху обычай обитания населения в пещерных поселениях (вместе с открытыми стоянками) был общепринят в некоторых районах Западной Грузии. Например, множество культурных слоев этого периода засвидетельствованы в пещерах Риони-Квирильского бассейна: скала Самеле, Дарквети, Сагварджиле, Самерцхле-клде, Цуцхвати, Моцамета и др. Более того, в некоторых горизонтах культурных слоев большинства из памятников этого ряда найден именно куро-араксский вещественный материал (иногда вместе с изделиями майкопского типа). Правда, указанные жилища, как правило, устроены в карстовых пещерах, а реже – в искусственно расширенных и

обустроенных подземных пространствах. Однако и здесь явно соблюден принцип “троглодитного” образа жизни [Тушабрамишвили, 1965: 67–70].

На таком фоне трудно представить, что племена-носители куро-Араксской культуры, обитавшие в Восточной и Западной Грузии, т.е. родственные племена, независимо друг от друга разработали практически идентичную традицию создания жилища. Более вероятно, что указанную традицию эти две группы племен переняли друг у друга или получили в наследство от общих предков – раннеземледельческих цивилизаций, распространенных в Грузии или смежных с ней регионах, от “протокуро-араксского” населения.

При рассмотрении этой гипотезы мы все же сталкиваемся с одним противоречием. В частности, возникает вопрос: чем было обусловлено то, что приблизительно в одну и ту же пору определенная часть племен-носителей одной и той же культуры в Квемо Картли обитала в искусственных пещерах, а в Западной Грузии – в пещерах карстового происхождения? Одна из причин этого явления, возможно, состояла в разности геологического строения. В Западной Грузии, по сравнению с Квемо Картли, значительно больше карстовых полостей, часть которых открыта в обрывы ущелий. Именно поэтому мы не можем исключать того, что часть мигрировавшего сюда в раннебронзовую эпоху населения, принесшая с собой из региона предыдущего обитания (предположительно Квемо или Шида Картли) традицию высекания пещерных жилищ, на этот раз поселилась в указанных “готовых” пещерах.

Из археологических данных нам хорошо известно, что большая часть тех же пещерных памятников была интенсивно освоена еще в эпоху энеолита. Исходя из этого, можно предполагать, что новые, “куро-араксские” обитатели по “горячему следу” освоили пещерные поселения весьма отличавшихся от них племен раннеземледельческой культуры (в большинстве таких памятников стерильные пласты, разделяющие культурные слои и указывающие на продолжительный интервал между фазами жизни энеолита и раннего бронзового периода, не наблюдаются). Предположение о такой замене населения в указанных пещерных поселениях нам кажется приемлемым хотя бы потому, что теория распространения куро-араксской культуры из Восточной Грузии на территорию исторической Аргвети сегодня уже археологически полностью обоснована. Примечательно и то обстоятельство, что в пещерных поселениях Западной Грузии пока еще не подтвержден вещественный материал ранней, энеолитной фазы куро-араксской культуры. Таким образом, след куро-араксского населения в перечисленных пещерных поселениях Квирилы-Рионского бассейна нельзя считать результатом эволюционного развития на местной почве предшествующих раннеземледельческих культур [Григолия, Татишвили, 1960: 73; Джавахишвили, 1973: 189].

Если факту обитания в пещерных поселениях Восточной Грузии определенной части населения куро-араксской культуры периода энеолита и ранней бронзы частично противоречит факт массового распространения в той же эпохе совершенно других помещений хорошо известного типа, то же самое мы не можем сказать о среднебронзовом периоде. Археологические исследования все еще не дали однозначного ответа на вопрос, какой тип жилищ предпочитало население Восточной Грузии в эту эпоху. Как нам хорошо известно, в течение вт.п. III тыс. до н.э. и п.п. II тыс. до н.э. почти на всей территории Восточной Грузии была распространена т.н. триалетская курганная культура (с её географически и хронологически различающимися вариациями), а поселения племён, являющихся носителями этой культуры, до сих пор почти не известны. Ученые по-разному объясняют причину того, почему затруднено выявление поселений этой культуры. Например, все еще остается в силе высказанное несколько десятков лет назад мнение о том, что племена триалетской культуры были кочевниками и не имели постоянных, “фундаментальных” жилищ [Джапаридзе, 1969: 222–223].

Мы обратили внимание на следующую закономерность: в некоторых зонах Квемо Картли, например, вдоль р.Храми и его притока Зуртакети, значительная часть курганов триалетской культуры расположена вблизи высеченных в отрогах этого ущелья пещерных комплексов описанного типа. Такое соседство заметно между курганами и пещерами окрестностей Арухло (Нахидури), Тетри Цкаро, Бедени, Таш-Баши, Хадики, Зуртакети. Возможно, подобные территориальные совпадения не случайны и указывают на то, что некоторые группы населения, являвшегося носителем триалетской культуры, все же обитали в высеченных в скале поселениях. Такое предположение не исключено, так как данные археологического исследования триалетских курганов все более удостоверяют мнение, согласно которому указанные племена как на раннебронзовой, так и на среднебронзовой стадии развития, наряду с животноводством, занимались и весьма передовым в то время оросительным земледелием и большая часть этих племен вела не кочевую, а оседлую жизнь.

Возможность создания этим населением скальных жилищ предполагает и следующее обстоятельство: известно, что в недрах триалетской культуры особого подъема достигла металлургия, а традиция высечения пещер и горнорудное дело, развившееся в указанную эпоху, находились в тесной взаимосвязи. Например, способы высекания в эпоху средней бронзы тоннелей для выработки руды в устье р.Риони и способы высечения пещерных комплексов в Квемо Картли абсолютно идентичны [Гобеджишвили, 1952: 185].

Исходя из представленных фактов и предположений, можно сделать следующий вывод: если не непосредственно в Квемо Картли, то хотя бы в масштабе всей Грузии обычные пещерные жилищные

системы каменного века на рубеже энеолита – раннего бронзового периода постепенно заменялись значительно реконструированными пещерными группами, которые, если не в раннебронзовую эпоху, то хотя бы в среднебронзовый период, приобрели облик полностью высеченных в скале пещерных комплексов.

Если об архитектонике пещерных комплексов Квемо Картли рассмотренных этапов можно высказать лишь предположение, то, исходя из протяженности гораздо лучше сохранившихся культурных слоев позднебронзового периода, достоверно можно сказать, что еще на ранних стадиях этой эпохи указанные памятники имели уже совершенно сформировавшийся, сохранившийся практически до сих пор архитектурный облик, отзвук общих архитектурных принципов которого заметен и в высокохудожественных грузинских скальных памятниках последующих эпох.

Имеющиеся у нас на сегодняшнем этапе исследования объективные данные не дают возможности более точного определения хронологических рамок, обстоятельств возникновения и функционирования скальных поселений Квемо Картли. Именно поэтому особое значение придается рассмотрению этих крайне интересных памятников материальной культуры на фоне протекавших на территории Грузии исторических процессов и аналогичных традиций, характерных для древнейших культур ближайших регионов мира.

По последним данным, значительная часть населения – создателя как переднеазиатской, так и южноевропейской энеолитной и бронзовой культур, параллельно с наземными поселениями в качестве жилищ использовала системы, подобные зафиксированным в Квемо Картли пещерам. Традиция обитания в высеченных в скале жилищах не была чуждой для раннеземледельческих цивилизаций Левантийского региона (Палестина, Сирия, Ливан, часть Малой Азии). Например, племена, создавшие культуру Вершева (Палестина, несколько км к востоку от Мертвого моря), обитали в грубо высеченных пещерах-жилищах катакомбного типа прямоугольной или овальной формы (Бен-Шамен, Халмахим и др.) Сравнительно сложной планировкой выделялся пещерный комплекс той же культуры Сафада, жилища которого имеют центральный “холл”, откуда есть выход в другие помещения [Barumki, 1969: 136; Joukowsky, 1996; Perrot, 1957: 226–230; The Nahel Qanah..., 1996].

Примечательно, что для современных или родственных Вершеве и Палестине-Иордании культур была характерна традиция создания жилищных и погребальных пещер практически одинаковой планировки, нередко объединенных в один комплекс. Такие памятники изучены в Азоре, Хадере (Израиль), Иерихоне (Палестина) и других пунктах.

Для нас археологическая картина, зафиксированная в скальных памятниках этого региона,

особенно важна по следующим соображениям: по методу высекания, общей структуре и планировке каждой пещеры-помещения они почти идентичны пещерным комплексам бронзового периода, изученным нами в Квемо Картли. Например, пещерные помещения комплексов окрестностей Нахал-канахи, вырубленные горизонтальными ярусами в склонах ущелий, выходят проемами в эти каньоны и визуаль-но полностью ассоциируются с указанными памятниками Квемо Картли.

Зафиксированные на Анатолийском полуострове скальные памятники этого ряда отличаются от подобных комплексов других стран бассейна Средиземного моря масштабностью и архаичностью форм. Часть зарубежных ученых полагает, что вышеуказанная древнейшая культура берет свое начало именно здесь. Например, исследователи аналогичных пещерных комплексов, в большом количестве зафиксированных на островах центральной части Средиземного моря и в Италии, полагают, что образ жизни, принятый в этих пещерах-помещениях, распространился в энеолитно-раннебронзовый период именно с Анатолийского полуострова.

Пещерные комплексы указанных эпох сегодня лучше всего изучены на Сицилии. О масштабах скальных памятников этого типа, в большом количестве зафиксированных на острове, свидетельствует хотя бы следующий пример: некоторые из панталикских комплексов охватывают тысячи (до 5000) пещерных помещений, высеченных в 10–20 ярусов. Не менее грандиозны всемирно известные комплексы Кастелучио и Сан-Джузеппе. В результате археологических исследований установлено, что абсолютное большинство помещений, составляющих пещерные комплексы этого типа, искусственного происхождения и только редко среди них встречаются реконструированные естественные пещеры. Несмотря на географическую отдаленность друг от друга, некоторым образом синхронны их происхождение или фазы реокупации: почти все древнейшие пласты археологически изученного комплекса связаны с энеолитом, а их повторное использование и адаптация с большей или меньшей интенсивностью подтверждаются почти на всех этапах бронзовой эпохи [Brea, 1966: 170–173; Leighton, 1999; Tusa, 1991].

Думаем, представленные аналоги ближайших или сравнительно отдаленных друг от друга регионов мира подкрепляют соображение о том, что на обширных территориях бассейна Средиземного моря и Передней Азии, приблизительно в диапазоне VI–II тыс. до н.э., параллельно с культурами, создавшими жилища иного типа, довольно регулярно были расселены и племена-носители традиции обитания в высеченных в скале помещениях. При этом группы населения, следовавшие этой традиции, часто использовали пещеры также и в качестве могильников. Видимо, и население обнаруженных нами в Квемо Картли древнейших пещерных комплексов, предположительно, с раннебронзового периода находилось

в тесной связи с цивилизациями-носителями этой культурной традиции.

Расцвет скального зодчества в недрах первых грузинских племенных и государственных объединений

В позднебронзовую-раннежелезную и античную эпохи в недрах древнейших цивилизаций евразийского материка скальное зодчество, в отличие от предшествующих ему культур, развивалось в основном в мемориально-культовом направлении. Вместе с тем, сравнительно эпизодично пещерные комплексы использовались и в качестве жилья.

Проведенные в последние годы исследования по грузинским скальным памятникам тех же эпох свидетельствуют о том, что и в Грузии имели место подобные процессы.

Более яркое выражение и развитие это же явление нашло в Шида Картли. Находящиеся на территории Грузии скальные памятники в позднебронзово-раннежелезный период претерпели значительную трансформацию по функциональному признаку: традиция высекания в скале жилищных комплексов постепенно уступила доминирующее положение пещерным некрополям и связанным с ними мемориальным помещениям. Указанный процесс завершился тем, что в раннеантичный и эллинистический периоды грузинское скальное зодчество в основном приобрело культово-мемориальную направленность, а завершающая фаза этой тенденции перед нами предстаёт величайшим ансамблем Уплисхихе.

Наша попытка разыскать другие скальные памятники дохристианской эпохи в прилегающих к Уплисхихе регионах дала весьма многозначительный результат. Проведенные в 1995–2004 гг. исследования показали, что расположенные на территории Шида Картли в некотором отдалении друг от друга несколько пещерных памятников (или их основные группы) были созданы в позднебронзовом-раннежелезном, эллинистическом или позднеантичном периоде [Бахтадзе, 1996; Бахтадзе, 2002: 26–30].

Для выяснения вопросов типологической или хронологической принадлежности пещерных комплексов окрестностей Шиомгвиме Государственный музей Грузии им. С. Джанашиа и Мцхетский археологический институт в 1999 г. провели на этом памятнике совместные разведочные археологические работы (в исследовании участвовал также американский археолог М. Аиланд) [Бахтадзе, 2000]. То, что большая часть группы пещер, высеченных в отвесных скалах окрестностей Шиомгвимского монастырского комплекса, была использована в средние века в монастырских целях, не вызывает сомнения ни у одного ученого. Несмотря на это, грузинская историческая традиция и некоторые ученые XX в. не исключают более раннее происхождение указанных скальных памятников.

Для проведения археологических работ из пещерных памятников окрестностей Шиомгвиме мы выбрали такую группу пещер Схалтбского хребта,

где была велика вероятность обнаружения вещественного материала древнейших фаз жизни. В частности, раскопки проводились в 1,5 км к востоку от монастыря, в двухъярусной 16-пещерной группе архаичной планировки, которая, очевидно, не была реконструирована в средние века.

Наши надежды оправдались. В нескольких из указанных пещер, под весьма бедными культурными слоями развитого и позднего средневековья, в углублениях скалистого пола мы нашли некоторое количество вещественного материала – фрагменты глиняной посуды разных периодов дохристианской эпохи. Например, фрагменты устья, боков и ушек чернолощенных пузатых горшков имеют прямые параллели в грузинских раскопках материалов позднебронзового-раннежелезного периода [Каландадзе, 1959: 170], а фрагменты краснолощеной желтоватой посуды аналогичны глиняным изделиям эллинистической поры, найденным на территории Шида Картли [Гагошидзе, 1981: 56, 124]. Материал этого ряда, безусловно, свидетельствует о том, что этот комплекс пещер создан не позднее рубежа II–I тыс. до н.э., а его более или менее интенсивная реконструкция, расширение и использование в тех или иных целях имело место в раннеантичном, эллинистическом и последующих периодах.

К сожалению, крайне примитивная планировка и формы описанных скальных памятников не позволяют убедительно говорить об их первоначальном назначении. Изначально труднодоступные помещения, входящие в этот комплекс, в основном характеризуются довольно малыми размерами и нерасчлененными, изолированными друг от друга пространствами, поэтому их создание в жилищных целях маловероятно. Вполне вероятно, что в качес-

тве этого комплекса мы имеем дело с совокупностью скальных гробниц простого типа, а найденный здесь вещественный материал является остатком погребального инвентаря. Сравнительно маленькие группы скальных памятников Шиомгвимского типа расположены еще на большем расстоянии к западу от левого отрога ущелья р.Куры. Среди них следует выделить визуально весьма интересный пещерный комплекс окрестностей Гракали.

Этот сильно поврежденный памятник высечен в 4 яруса на левом склоне ущелья р.Куры, в скалистом обрыве Квернакского пригорка. Сохранены до 30 пещер и остатков пещер, абсолютное большинство которых сегодня недоступно и которые мы исследовали с помощью альпинистской техники (рис.9). Пещеры высечены в легко обрабатываемых известковых породах, поэтому их создателям нетрудно было получить формы, приближенные к геометрическим, а комнаты имеют практически прямоугольную планировку. В большинстве помещений сохранены следы высекания четырехгранным резцом.

Большая часть входящих в комплекс помещений оказалась очень маленьких размеров – их длина и ширина не превышает 2–2,5 м, а высота колеблется между 1,4–1,7 м. Потолки везде плоские. Большинство помещений изолированы друг от друга и на поверхность скалы выходят очень узкими и низкими (приблизительно 1,2–1,5 м высоты) проемами с высоким порогом. Следов замуровывавших их каменных плит и гнезд для рам в проемах не замечается. Несмотря на то, что в пещерах погребальные полки-ложа и ниши не зафиксированы, исходя из миниатюрности объемов, малой высоты и форм входов этих помещений, мы полагаем, что имеем дело с системой высеченных в скале гробниц простого типа.

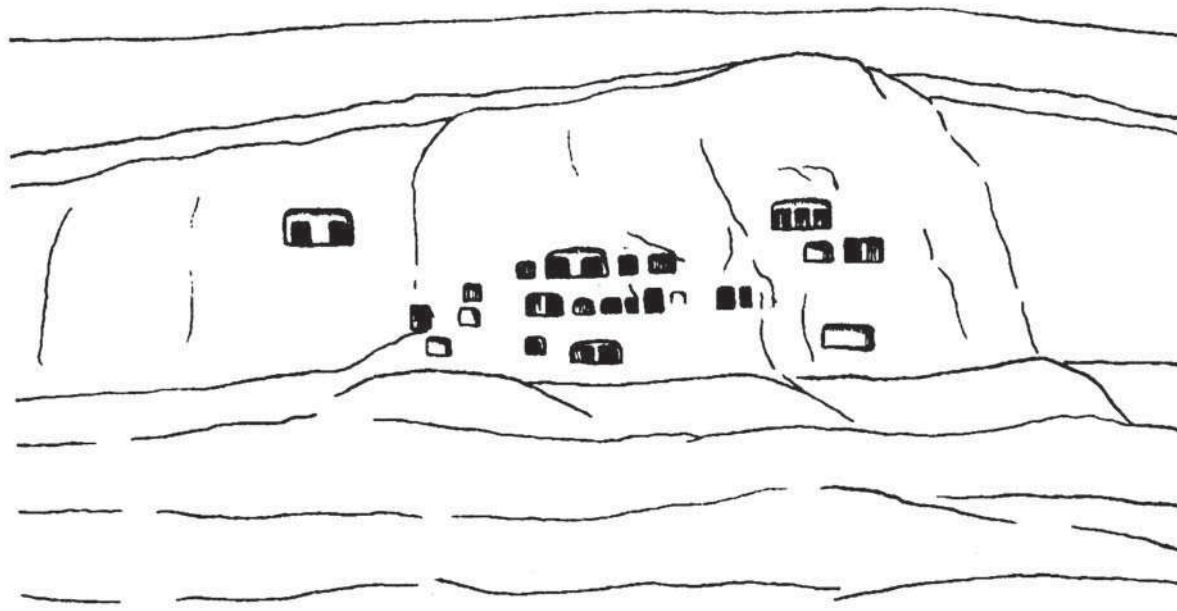

Рис.9 Гракальские пещеры

Этой предполагаемой функции не противоречит и тот факт, что расположенные по соседству некоторые малые пещеры выходят в коридорообразно удлиненные притворы. Думаем, что и эти помещения представляли собой погребения, а передние, сравнительно обширные пещеры выполняли функцию портика. Расположенные таким образом погребальные камеры имеют более или менее близкие параллели как в ансамбле Уплисхихе, так и в скальных гробницах античного периода стран Ближнего Востока.

Вследствие многократного использования этих пещерных комплексов первоначальные культурные слои оказались уничтоженными, поэтому археологические раскопки не добавили фактических аргументов в пользу предполагаемого назначения памятника. Зато археологическое исследование непосредственно передних пологих склонов пещер (где исключено наличие самостоятельных сооружений и культурных слоев, а попавший туда вещественный материал мог сползти только из пещер) внесло ясность в установление хронологических рамок происхождения и функционирования комплексов. В вещественном материале, найденном здесь с помощью разведочных срезов, встречаются фрагменты керамических изделий типа хорошо известного из археологических памятников Шида Картли кон. II тыс. и п.п. I тыс. до н.э.: обломки горшков, кувшинов, мисок и иной посуды серого и черного обжига, в большинстве с лощеной поверхностью, украшенной выдавленным, процарапанным или штампованным геометрическим орнаментом [Каландадзе, 1950].

Кроме этого, раскопочные материалы склона в определенной мере содержат и окрашенные красной или желтоватой охрой черепки краснорасписной и лощеной глиняной посуды, аналоги которых из некоторых раскопанных памятников Шида Картли датируются раннеантичной и эллинистической эпохами [Гагошидзе, 1981]. Примечательно, что два бесформенных черепка керамики этого посудного типа обнаружены и на полу одной недоступной пещеры малого размера верхнего регистра комплекса Гракали.

Рис.10 Тхотские пещеры

Ввиду отсутствия более насыщенного информации, подтвержденного *in situ* материала, фрагменты найденных на склоне изделий все же говорят о многом: дата их изготовления практически совпадает с нашим предположением о возникновении памятника на рубеже II–I тыс. до н.э. При этом фиксирование в пещерах и на склоне более позднего материала даже в малом количестве, вероятно, свидетельствует о том, что высекание или реконструкция пещер продолжались в раннеантичную и эллинистическую эпохи. С учетом указанных фактов вполне можно допустить, что если не раньше, то хотя бы в этот период пещерный комплекс Гракали представлял собой совокупность высеченных в скале склепов и связанных с ними культово-мемориальных помещений.

В грузинских письменных источниках Каспи упоминается среди древнейших городов Иберии (восточная Грузия). “Картлис цховреба” (“История Грузии”) приписывает строительство Каспи, равно как и Уплисхихе, этнарху грузин Уплосу. На тесную связь между этими двумя населенными пунктами указывает также “Мокцеваи Картлисаи”, где Уплисхихе упоминается как Каспская крепость [Картлис цховреба, 1951: 37]. Это сведение летописца ученые объясняют по-разному, но, несмотря на любую интерпретацию источников, тесный политический и экономический союз между этими двумя соседними пунктами, имевший место на определенных этапах античного периода, не должен вызывать сомнения. Именно это навело нас на мысль искать высеченные в скале памятники древнейшего периода и в окрестностях предполагаемой локализации городища Каспи. Исследование дало интересный результат: в ареале городища нами были обнаружены два важнейших высеченных в скале комплекса этой эпохи [Бахтадзе, 2003].

Пещеры одного из комплексов высечены в расположенном в 1 км к западу от современного г.Каспи скалистом мысовидном массиве Квернакского пригорка (рис.11). Они сильно повреждены, фасадные части у них обрушены, от большинства пещер ос-

Рис.11 Каспский скальный некрополь

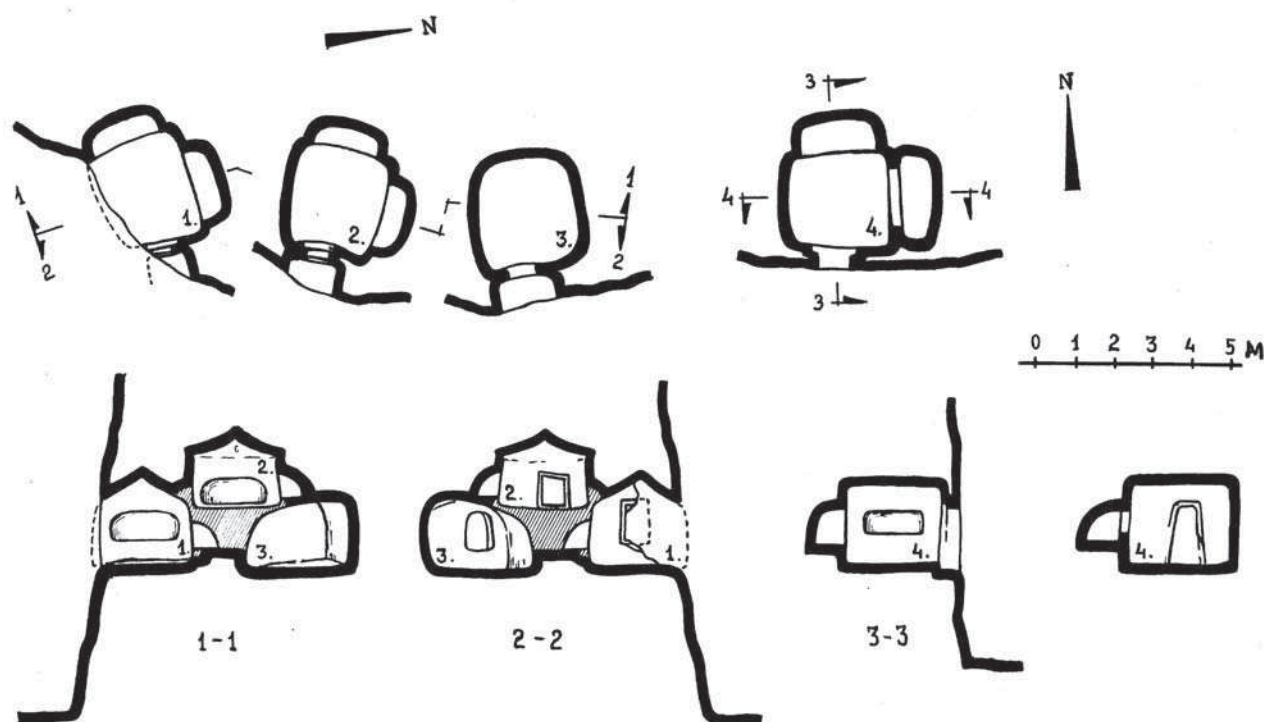

Рис.12 Каспийский скальный некрополь. Планы и разрезы скальных гробниц

тались лишь незначительные фрагменты. Вероятно, изначально было высечено до трех десятков пещер. Сегодня почти полностью сохранились четыре из них, а остатки около десяти пещер дают возможность приблизительно реконструировать их форму. Архитектурный анализ этих памятников привел нас к заключению, что до повреждений и поздней переделки в основе структуры каждого из них лежал единый планировочный принцип, в чем мы можем убедиться на примере сравнительно хорошо сохранившихся пещер.

Первые три пещеры в одном мысе скалы высечены бок о бок, довольно аккуратно, четырехгранным металлическим орудием (рис.12). След затирания стен не замечается. Пещеры №1 и №2 имеют форму квадрата с округлыми углами, а потолки сводчато-стрельчатые (размеры №1: 2,5x2,3 м, макс. высота 1,96 м; №2: 2,4x2,3 м, макс. высота 1,6 м). В западных и северных стенах обоих помещений высечены по одной круглоугольной полке-ложе (длина 1,6–1,75 м, ширина 0,55–0,6 м, высота 0,65–0,7 м). От пола полка возвышается на 0,2–0,5 м). Перед пещерами были открытые притворы, откуда через низкие и узкие двери (высота 0,65–0,9 м, ширина 0,5 м) можно попасть в основные помещения. Входы украшены резными декоративными рамами. Такой же притвор имеет и пещера №3 (2,5x2,5 м, высота наклонного плоского потолка 1,4–1,6 м), в которой нет ниш-полок. В этой группе пещер явно заметна последовательность высекания помещений: пещеру №3, сравнительно простой планировки, высекли после первых двух, поэтому были вынуждены ее по-

толок завесить с одной и занизить с другой стороны, чтобы он не врезался в другие пещеры.

Пещера №4 высечена по такой же технике отдельно от этой группы, на расстоянии 200 м (размеры: 2,6x2,3 м). Эта пещера, в отличие от первых трех, не имеет притвора, а потолок высотой 1,8 м здесь плоский (рис.12). Напротив входа и в правой стене высечены ниши-полки (1,75–1,8x0,6–0,9 м, высота 0,6–0,8 м). Стороны и дно одной из них отделены от пространства помещения тонкими перегородками длиной 15 см.

Очевидно, что атрибуты описанных пещер, и особенно ниши-полки, были типичны и для сохранившихся вокруг них сильно поврежденных пещер. Здесь же отметим, что в отвесных скалах, прилегающих к пещерам, такие полки высечены в открытом пространстве, вне помещений.

В результате архитектурного анализа этого комплекса пещер стало ясно, что он состоит из помещений приблизительно одного типа, которые высекались по очереди, в определенные промежутки времени, бок о бок, но обязательно изолированно друг от друга. У этих помещений наличествуют не соответствующие жилищному назначению малые площади, низкие потолки и узкие входы. Кроме того, высокая техника высекания и декоративные элементы притворов явно не соответствуют неудобной для жилья планировке. Из-за легкодоступного положения создание этого комплекса с фортификационной целью исключено. Однако типичные для каждой пещеры ниши-полки говорят о совершенно другом назначении: форма и размеры полок подходят только для того, чтобы там в вытянутом положении покои-

лись умершие. Этой функции вполне соответствуют также подходящие для “одноразового использования” низкие входы и миниатюрные размеры помещений. Таким образом, можно утверждать, что этот комплекс пещер не может быть ничем иным, как совокупностью гробниц-мавзолеев определенно сформировавшегося типа, т.е. высеченным в скале некрополем.

В этих гробницах тела покоились подчеркнуто перпендикулярно друг к другу, головами в разные стороны, тогда когда в противоположных стенах камер свободно можно было высекать полки вдоль восточно-западной оси. Таким образом, здесь налицо нехристианский порядок захоронений покойников.

После объявления в Картли христианства государственной религией, с учетом известных нам исторических реалий, исключено, чтобы представители других конфессий имели возможность создания подобающего только высшей аристократии некрополя такого масштаба, притом на протяжении десятилетий (численность этих гробниц и захоронений, видимо, указывает на функционирование родового некрополя в течение длительного времени). Почти несомненно, что каспские гробницы являются родовым некрополем представителей возвысившихся слоев населения, а возможно, и правящей аристократии древнейшего государственного объединения Восточной Грузии. Проблема состояла лишь в установлении того, какой период и какую социально-политическую обстановку отражает этот памятник.

До этого открытия в Грузии были неизвестны не только некрополи такого масштаба, но и стилистически и композиционно сформировавшиеся скальные мавзолеи дохристианских времен. В дальнейшем постепенно сформировалась и приобрела популярность в определенных научных кругах вышеуказанная теория первоначальной погребальной функции пещерного ансамбля Уплисхихе. Однако, ввиду того, что в результате последующих серьезных реконструкционных работ древнейшие пещерные гробницы Уплисхихе до нас в большей части дошли в виде фрагментов, эта гипотеза окончательно все еще не укоренилась. В такой обстановке, естественно, для выяснения даты происхождения этих гробниц и этническо-религиозной принадлежности создавших их обществ в первую очередь следует опираться на сравнительный анализ архитектурных особенностей этого памятника и его зарубежных аналогов.

Как мы уже отмечали, обычай погребения покойников в высеченных в скале разными способами гробницах был характерен для многих древнейших цивилизаций мира. Почти во всех древнейших государствах Ближнего Востока (Египет, Ассирия, Урарту, страны Малой Азии, Этрурия и др.) с этой целью создавались крайне интересные скальные памятники и целые комплексы.

В течение продолжительного отрезка времени высеченные в скале гробницы Передней Азии и неко-

торых регионов бассейна Средиземного моря в силу различной географической и социально-экономической обстановки приобретают весьма многообразный облик. Однако благодаря наследственности политических и культурных связей и традиций между народами нередко наблюдаются достаточно общие, “сверхэпохальные” планировочные схемы. Несмотря на это, усилиями зарубежных искусствоведов и с помощью археологических методов с относительной точностью все же удается классифицировать такие памятники по географическому, хронологическому и региональному признаку.

Каспские гробницы также относятся к ряду скальных погребений “консервативного типа”. В результате сравнительного архитектурного анализа выявляется, что из скальных гробниц переднеазиатских разновидностей объект нашего исследования в большей мере связан общими признаками с некрополями эллинистической или позднеантичной эпох. С другой стороны, по ряду деталей этот памятник роднится с конкретными образцами, созданными в недрах зороастрического вероисповедания древнеиранского мира.

Как известно, огнепоклонство запрещало хоронить покойников в земле (доктрина маздеанства, наряду с огнем, признавала и святость земли), поэтому еще цари и вельможи Мидии создавали скальные гробницы с тем, чтобы не осквернять трупами землю, т.к. скала не считалась землей [Луконин, 1977; Herzfeld, 1941; Schmidt, 1970]. В дальнейшем по той же причине погребения вельмож в соответствии с указанной традицией в ахеменидском, парфянском и сасанидском царствах, параллельно с могилами башенного типа, стали почти обязательными. Переняв опыт подобных гробниц, существовавший в других древних государствах Востока, скальные гробницы иранской аристократии обрели несколько каноническое лицо: основное пространство гробницы представляет собой прямоугольная погребальная камера, во всех или в некоторых стенах которой высечены по одной нише для захоронения покойников. Размеры ниш рассчитаны на длину и ширину лежащего вытянувшись человека, часто углублены саркофагообразно (вспомним каспскую гробницу №4). Попасть в центральную камеру можно через открытый вход непосредственно с поверхности скалы или из колонного или простого портика. Такие гробницы высечены в возвышенных скалах группами и очень часто представляют собой родовые некрополи (“Накши Рустам”, “Таш-Тепе” около Миандуаба, “Дукани Дауди”, “Даудухтари”, гробницы Сехне и др.) [Herzfeld, 1941]. Характерными для погребения по маздеанской традиции были также высеченные в скале полки-ложе без камер, которые часто объединялись в один комплекс с гробницами указанного типа (например “Кирваншаха”).

Очевидно, что как общая структура Каспского некрополя и слияние его с ландшафтом, так и пространственно-плановое решение его отдельных

гробниц приближаются к аналогичным памятникам древнего Ирана. Несмотря на это, поскольку в разные эпохи и в других регионах Ближнего Востока создавались некоторым образом схожие памятники (например, урартские, лидийские или палестинские гробницы), было бы сложно утвердительно связывать каспские гробницы с маздеанским миром, если бы не характерные только для этой религии отдельные полки-ложа, составляющие комплекс.

Конкретизировать дату создания каспских гробниц невозможно по их общей планировочной структуре. Те же иранские гробницы создавались по традиционной схеме, и определить время возведения многих из них затрудняются даже специалисты древностей этой страны. В сасанидский период происходило полное копирование царских скальных гробниц ахеменидского периода, а некоторые памятники, которые раньше считались мидийскими, оказались парфянскими. В такой ситуации для датирования каспских гробниц их отдельные архитектурные детали должны рассматриваться на фоне архитектурно-стилистических традиций, характерных для местных или соседних стран и предполагаемых эпох происхождения памятника.

Как отмечалось, одна часть каспских гробниц имеет шатрообразный стрельчатый потолок. В скальном зодчестве древнего Ирана такая стрельчатая форма сводов хотя и появляется уже во времена ахеменидов, однако широкое распространение она нашла только в эпоху сасанидов. Среди грузинских скальных памятников подобной обработкой потолка отличаются западные помещения т.н. “двухколонного дарбази” Уплисхихе, относящиеся к римскому периоду [Амиранашвили, 1963: 84; Кипиани, 2002: 92]. Потолок такой же стрельчатой формы очень часто встречается и в раннесредневековом грузинском скальном зодчестве, например, в пещерных монастырях верхнего течения р. Куры, Давид-Гареджи (Беребис сери, Колагери) [Амиранашвили, 1963: 157–160; Гаприндашвили, 1957; Гаприндашвили, 1969], в пещерах Кондамианского монастыря и др., а также в каменной церковной архитектуре того же периода. Характерно, что в указанных пещерных памятниках даже метод обработки скалы идентичен каспским гробницам.

Каспский некрополь, с учетом его масштабов, почти бесспорно указывает на широкое распространение на территории Шида Картли в течение отнюдь не короткого периода огнепоклонства или некой родственной ему религии. В Шида Картли раннего средневековья не подтверждается такая продолжительная политическая экспансия сасанидского Ирана, которая позволила бы нескольким поколениям приверженной маздеанству аристократии создавать грандиозные некрополи. Поэтому указанные особенности архитектурных деталей каспских гробниц, вероятно, свидетельствуют о происхождении этого памятника в позднюю античную эпоху. Функционирование некрополя в эту эпоху подтверждают также маленькие черепки красной глиняной посуды позд-

неантичной эпохи, найденные нами в углублениях пола гробницы №3, которые, возможно, являются случайно сохранившимися остатками погребально-го инвентаря.

Полагаем, что такое датирование каспских гробниц свидетельствует о том, что, подобно некоторым регионам Ближнего Востока, и в Шида Картли ансамбль мавзолеев-храмов Уплисхихе, высеченный на высокохудожественном уровне, присущем раннеантичному и эллинистическому стилю, сменили пещерные гробницы, созданные в позднюю античную эпоху сравнительно скромными зодческими приемами.

“Мокцеваи Картлисаи” [Картлис цховреба, 1955: 79] рассказывает, что после признания официозом Грузии христианства в результате деятельности святой Нино, в Мцхета засверкали две звезды, которые переместились в разные стороны страны. Следующие за ними наблюдатели предстали перед царем Мирианом и сказали, что одна звезда переместилась в сторону Каспи и остановилась над горой Тхоти. Этот эпизод фактически слово в слово повторяется во всех древнейших редакциях “Жития св. Нино” и также почти без изменений внесен в древние перечни “Картлис цховреба”.

Последние исследования грузинских историков и языковедов еще больше подтверждают мысль, что “Житие св. Нино” является аутентичным памятником IV в., и в случае правильного осмысления зашифрованных символами моментов мы не должны сомневаться в подлинности рассказанных в нем событий. Именно поэтому настоящая работа ставила также цель изучить, не сохранились ли до сих пор в окрестностях Каспи, в пределах горы Тхоти, пещеры, упомянутые в указанных источниках.

Несмотря на то, что в период обращения Картли (Восточная Грузия) в христианство указанный нами комплекс каспских пещерных гробниц действительно существовал, менее вероятно, чтобы в вышеописанном эпизоде подразумевались эти низкие мысы скалы. Наблюдатели, находившиеся на не столь завидном стратегическом месте, не могли обозревать полностью ни территорию предполагаемой локализации Каспи, ни гору Тхоти. Описанной в “Житии св. Нино” географической среде гораздо лучше, можно сказать даже точно, соответствует другой пещерный комплекс окрестностей исторической Каспи.

Этот большой, очень интересный скальный памятник высечен в известняковых склонах конгломератных пород горы Тхоти, в двух километрах к северо-востоку от современного г. Каспи, в левом отроге ущелья р. Лехура (рис. 10). Отсюда как на ладони видны как все возможные участки городища, так и долина Ашуриани на большом расстоянии – почти до Уплисхихе. Всего на четырех ярусах в нижней части отвесной скалы сохранилось до 50-ти пещер и остатков пещер, высеченных достаточно сконцентрированно. Сохранившиеся перед большинством из них фрагменты террасных проходов указывают на то, что к помещениям каждого яруса первоначально

вели узкие дорожки и пандусы. Помещения были высечены заострённым металлическим орудием. Здесь встречаются как отдельные пещеры, так и связанные проходами пещеры-помещения. Их планы более или менее приближены к прямоугольнику, хотя встречаются и овальные формы. Пещерная архитектура горы Тхоти дает нам скудную информацию для выявления назначения и тем более даты происхождения комплекса. Бедность архитектурных приемов, по сравнению с Уплисхихе и даже с каспскими гробницами, мы можем считать признаком архаичности этого памятника и его утилитарной функции.

Археологические срезы, сделанные в некоторых помещениях нижних ярусов комплекса Тхоти, дали следующую картину. Ниже бедных культурных слоев средневековья, в углублении скалистого пола одной из пещер оказались втоптаннми несколько черепков как характерной для Картли раннеантичной поры красной-оливковой глиняной чаши, так и маленькие фрагменты типичных для позднебронзового-раннежелезного периода керамических изделий с черной и бледно-серой поверхностью, украшенных насеченным орнаментом [Гагошидзе, 1981: 153–155]. Таким образом, даже маломасштабная археологическая разведка пещер горы Тхоти совершенно однозначно указала, что этот комплекс (или хотя бы часть составляющих его помещений) уже существовал в античный период, и даже еще раньше – в позднебронзовую-раннежелезную эпоху. Пока ничего нельзя сказать о том, являются ли эти эпохи нижними хронологическим рубежом высекания памятников.

Также пока неясно, насколько значительную переделку испытал памятник в средневековую пору. Однако однообразие планировки пещер и то обстоятельство, что здесь совершенно не видно характерных для средневековья каменных подсобных помещений, должны указывать на минимальные изменения первоначальной структуры пещеры.

Данные археологических исследований пещер Тхоти свидетельствуют о приблизительно синхронном функционировании этого памятника с пещерными комплексами Шиомгвиме и Гракали. Это обстоятельство, несмотря на указанную версию о создании пещер Тхоти в целях светского поселения, обязывает нас окончательно не исключать возможность использования комплекса в погребальных и культово-мемориальных целях хотя бы на последних стадиях его активного функционирования.

Как подтвердили результаты исследования общеизвестных и нововыявленных скальных памятников Восточной Грузии этих эпох, на территории нашей страны на разных этапах позднебронзового-раннежелезного и античного периодов обычай высекания искусственных пещер не отошел на задний план, а приобрел более широкий характер. Более того, указанная традиция проникла и в менее “освоенные” с этой точки зрения регионы. Например, имеющиеся у нас данные свидетельствуют о том, что скальное искусство на обширной территории

Шида Картли в значительной степени должно было зародиться именно в это время (если, конечно, более ранние скальные памятники этого края в I тыс. до н.э. не были реконструированы в массовом порядке). Создается впечатление, что если не раньше, то хотя бы с ранней античной поры эпицентр развития грузинского скального зодчества переместился из Квемо Картли в ущелья р.Куры и его притоков, в гористые низменности. Это явление совпадает с отмеченной не одним грузинским ученым закономерностью: приблизительно в эту эпоху, благодаря ряду политических и экономических факторов, население этих районов Грузии достигает доминирующего положения среди картвельских племен и эта тенденция завершается формированием к сред.п. I тысячелетия до н.э. передового государства Иберия. Важно, что именно отголоском этого события было то, что в позднебронзовый-раннежелезный и античный периоды, вслед за превращением территории Шида Картли в центр консолидации восточно-грузинских племен, распространенные на этой территории образцы скального зодчества приобрели несколько новую функциональную нагрузку. Например, большинство обнаруженных в окрестностях древнейших городов Иберии пещерных комплексов уже представляли собой не совокупность пещерных жилищ любой структуры и конфигурации, а были пещерными гробницами для захоронения привилегированных представителей общества (в ряде случаев династий), обитающих в поселениях совершенно другого типа, а с течением времени стали местами поклонения этим предкам.

Остановимся еще на одном обстоятельстве. Исходя из некоторых сохранившихся в грузинской исторической хронике сведений, создается впечатление, что в пору возникновения древнейших грузинских государственных объединений большинство городов в той или иной форме находилось в тесной связи с высеченными в скале памятниками. Кроме того, т.к. один из них, Уплисхихе, практически целиком высечен в скале, следует думать о “парном” существовании следующих наземных поселений и пещерных комплексов античной эпохи. Вблизи вероятной локализации Саркине расположены вышеописанные пещеры Шиомгвиме; по соседству с городищем Каспи были высечены пещеры Тхоти; городище Самшвилде окружает мощная группа пещер; в склонах ущелий окрестностей Одзрхе много высеченных комплексов искусственных пещер квемокартлийского типа с архаичной планировкой; над городищем Цунда возвышаются древнейшие группы пещер Бертакана и другие; в Мцхета, вдоль скалистых склонов Армазхихе-Карснисхеви, высечено множество таких пещер, архитектурные особенности которых свидетельствуют о создании их в дохристианский период. Конечно же, обоснование синхронности части перечисленных скальных памятников и городищ или точное определение последовательности их происхождения требует еще длительного исследования,

однако приблизительная одновременность существования некоторых таких “пар” нами уже доказана.

Здесь нельзя не вспомнить высказанную академиком Н. Бердзенишвили гипотезу о том, что топоним “Уплисцихе” в свое время был именем нарицательным и означал замки-резиденции правителей (“упали”) древнейших грузинских городов или политических единиц [Бердзенишвили, 1964: 331–332]. Сегодня, владея дополнительной информацией о первоначальной функции пещерного ансамбля Уплисцихе и схожих памятников соседних регионов античного мира, мы позволим себе указанное мнение уважаемого ученого представить в несколько иной интерпретации. Ведь возможно, что близлежащие или находящиеся непосредственно в ряде древнейших грузинских городов пещерные комплексы вышеуказанного типа являлись этими “уплисцихе”, но они были не резиденциями правящей династии,

а служили гробницами предков и связанными с их культом молебнями.

С другой стороны, не заключалась ли причина того, что в указанных пунктах пещерные помещения в массовом порядке являлись местами захоронения и поклонения предкам, кроме символа вечности скалы, в том, что в памяти населения Грузии раннеантичного или эллинистического периодов все ещё были сохранены сведения об обитании значительной части племен их предков в пещерных поселениях. В каждом конкретном случае (в том числе и в Уплисцихе) мы не должны исключать того, что пещерные гробницы и храмы создавались именно в результате реконструкции и адаптации этих древнейших скальных поселений. Правда, из-за уничтожения первоначальных планировочных элементов и археологических слоев проверить эту версию сегодня в большинстве случаев невозможно.

Литература

- Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. – Москва, 1963.
- Бахтадзе Н. Спелеистическая карта Кция-Храмского бассейна // Пещеры Грузии. – Тбилиси, 1988. – Вып. 12. – С. 18–35.
- Бахтадзе Н. Скальные памятники Квемо Картли. – Тбилиси, 1992. /на груз. яз./
- Бахтадзе Н. Нововыявленные скальные памятники Шида Картли // Дзеглис мегобари. – Тбилиси, 1996. №1(92). – С. 30–36; №2(93). – С. 35–42. /на груз. яз./
- Бахтадзе Н. Венчатые перекрытия народных строений и их параллели в скальном зодчестве // Значение народной архитектуры и проблемы их сохранения. Международная научная конференция Всемирного центра архитектуры UNESCO. Содержания докладов. – Тбилиси, 1997. – С.30–34.
- Бахтадзе Н. Результаты археологического исследования Мугутских пещер // I Археологическая конференция Кавказа. Краткие содержания докладов. – Тбилиси, 1998. – С. 11–17. /на груз. яз./
- Бахтадзе Н., Кипиани Г. Результаты археологических разведок пещер окрестностей Шиомгвиме // IV научная сессия Мцхетского археологического института. Отчет полевых исследований 1999 года. – Тбилиси, 2000. – С. 11–15. /на груз. яз./
- Бахтадзе Н. Дохристианские грузинские скальные памятники на фоне зарубежных аналогов // *Analecta Iberica*. I. – Тбилиси, 2001. – С. 6–15. /на груз. яз./
- Бахтадзе Н. Зарождение грузинской скальной архитектуры и ранние ступени ее развития // Кавказский вестник (специальный выпуск). – Тбилиси, 2002. – С. 22–30. /на груз. яз./
- Бахтадзе Н. Каспский скальный некрополь // Вестник Государственного музея Грузии. – Тбилиси, 2003. №45. – С. 46–54. /на груз. яз./
- Бахтадзе Н. Кремационное погребение Самшвилдских пещер и Хетский обряд захоронений // Грузинские древности. – Тбилиси, 2003. № 3. – С. 12–21. /на груз. яз./
- Байерн Ф. О древних сооружениях на Кавказе. – Тифлис, 1895.
- Бердзенишвили Н. Вопросы истории Грузии. Т.I. – Тбилиси, 1964. /на груз. яз./
- Битель К. Бронзовые археологические находки из Артвина // Известия Института языка, истории и материальной культуры. Т.2. – Тбилиси, 1938. – С. 257–266.
- Вахушти Багратиони. Описание царства грузинского. – Тбилиси, 1941. /на груз. яз./
- Вебер Г. Всеобщая история. Т.II. – Москва, 1891.
- Всеобщая история архитектуры. Т.I. – Москва, 1970.
- Гагошидзе Ю. Самадло. Т.2. – Тбилиси, 1981.
- Гаприндашвили Г. Вырубленные в скалах памятники Грузии // VII научная сессия спелеологов. – Тбилиси, 1969. /на груз. яз./
- Гаприндашвили Г. Пещеры Вардзии и ее окрестностей. – Тбилиси, 1957. – С. 7–14. /на груз. яз./
- Гобеджишвили Г. Бедени – культура курганных погребений. – Тбилиси, 1980. /на груз. яз./
- Гобеджишвили Г. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби // Сообщения АН ГССР. Т.13. – Тбилиси, 1952. – С. 183–190. /на груз. яз./
- Гогадзе Э. Периодизация и генезис курганный культуры Триалети. – Тбилиси, 1972. /на груз. яз./
- Григолия Г., Татишвили Т. Древнейшие памятники Квемо Картли. Сборник исторической географии Грузии. Т.I. – Тбилиси, 1960. – С. 63–81. /на груз. яз./

- Джавахишвили А. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V–III тыс. до н.э. – Тбилиси, 1973.
- Джавахишвили И. Строительное искусство в древней Грузии. – Тбилиси, 1946. /на груз. яз./
- Джапаридзе О. Археологические раскопки в Триалети. – Тбилиси, 1969.
- Джапаридзе О. Раннебронзовая эпоха. Археология Грузии. – Тбилиси, 1959. /на груз. яз./
- Жоржикашвили Л., Гогодзе Э. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. – Тбилиси, 1974.
- Каландадзе А. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа Восточной Грузии // Археология Грузии. – Тбилиси, 1959. – С. 155–190. /на груз. яз./
- Картлис цховреба. Т.І. – Тбилиси, 1955. /на груз. яз./
- Каухчишвили Т. Географические сведения Страбона о Грузии. – Тбилиси, 1957. /на груз. яз./
- Кипиани Г. Уплисцихе. – Тбилиси, 2002. /на груз. яз./
- Латищев В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.І. – СПб., 1893.
- Леман-Хаупт К. Вступительная лекция по истории и культуре хальдов // Труды ТГУ. VI. – Тбилиси, 1938. – С. 245–267.
- Луконин В. Искусство древнего Ирана. – Москва, 1977.
- Пиотровский Б. Ванское царство. – Москва, 1959.
- Саникидзе Т. Уплисцихе. – Тбилиси, 1987. /на груз. яз./
- Тушабрамишвили Д. Итоги работ палеолитической экспедиции Квирильского ущелья за 1963–1964 гг. (Материалы к сессии). – Баку, 1965.
- Хахутаишвили Д. Уплисцихе. Т.І. – Тбилиси, 1964. /на груз. яз./
- Чубинашвили Г. Очерк развития в Грузии дофеодальной архитектуры // Грузинское искусство. Т.І. – Тбилиси, 1959. – С. 55–64.
- Akurgal E. Phrygische Kunst. Ankara, 1955.
- Akurgal E. The art of Hitites. New York – London, 1962.
- Badawy A. Architecture in Ancient Egypt and Near East. London, 1966.
- Bakhtadze N. Rock-Cut and Megalithic Monuments of Kvemo Kartli (South-East Georgia) // Скальни и мегалитни памятници – проблеми и пътища за тяхото разрешение. Международна конференция, сборник. – София: Нов Български университет, 2001. – С.80–98.
- Bachtadse N. Vorchristliche georgische Felsdenkmäler // Georgica. №28. – Aachen, 2005. – С. 5–11.
- Barumki D. The Art and Architecture of the Ancient Palestine. – Beirut, 1969.
- Bloch-Smith E. Cave Tombs // The Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East. Vol.I. – New York – Oxford, 1997. – С.456–458.
- Brea B. Sicily Before the Greeks. – London, 1966.
- Forest J. Urartian Architecture // BAR International Series, 170. – Oxford, 1983.
- Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient // New Haven. – London, 1996.
- Herzfeld E. Iran in the Ancient East. – London, 1941.
- Gulyuz M. The Underground Cities // Skylife, 192. – Istanbul, 1999. – С. 132–144.
- Joukowsky N. Early Turkey. Anatolian Archaeology from Prehistory through the Lydian Period. – Kendal: Hunt Publishing Company, 1996.
- Leighton R. Sicily Before History // Archaeological Survey from the Palaeolithic to the Iron Age. – Trow Bridge, 1999.
- Mckenzie J. The Architecture of Petra. – London, 1990.
- Ussishkin D. The Rock-Cut Tombs at Van and Monumental Tombs in the Near East // The Proceedings of the Anatolian Iron Age Colloquim. Vol 3. – 1994. – С. 253–264.
- Perrot J. The Dawn of History in Southern Palestine // Archaeological discoveries in Holy Land. – New York, 1967.
- Roos P. The Rock-Cut Tombs of Caunos // Studies in Mediterranean Archaeology. Vol.34. – Goteborg, 1972.
- Schmidt E. Persopolis III: The Roial Tombs and Other Monuments. – Chicago, 1970.
- The Nahel Qanah Cave (Earliest Gold in the Southern Levant) // Avi Gopher. – Tel Aviv: University, 1996.
- Tusa S. South-Western Sicily During Early Bronze Age and its Correlation With the Eastern Mediterranean. – Athens, 1991.
- Waldbaum J.C. Philistine Tombs at Tell Fara and their Aegean Prototypes // American Journal of Archaeology. 1966. Vol.70. № 4. – С. 331–340.
- Yadin Y. Expedition D – The Cave of Letters // Israel Exploration Journal (Jerusalem). – 1962. №12.